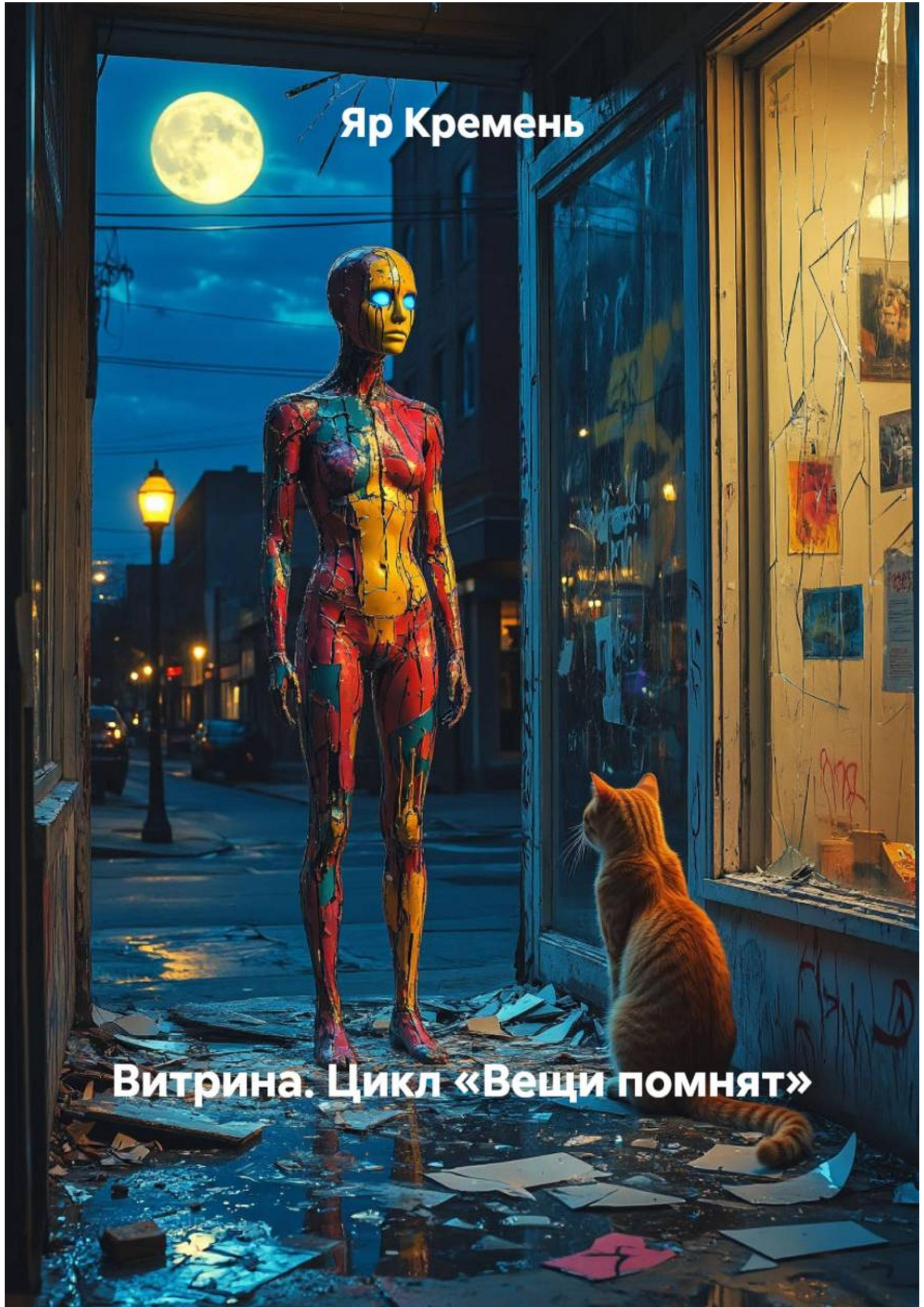

Яр Кремень

Витрина. Цикл «Вещи помнят»

ВЕЩИ ПОМНЯТ

Яр Кремень

Витрина. Цикл «Вещи помнят»

«Автор»

2026

Кремень Я.

Витрина. Цикл «Вещи помнят» / Я. Кремень — «Автор»,
2026 — (ВЕЩИ ПОМНЯТ)

Манекен в витрине центрального универмага наблюдает за жизнью Лены — от девочки с огромными белыми бантами до женщины, потерявшей сына. Сорок лет он стоит за стеклом, впитывая отражения эпохи: очереди за водкой в девяностых, дефолт, Чечню, первый iPhone, Крым, пандемию. Он видит её первую любовь и разочарования, её замужество, рождение Коли, его взросление и смерть. Он становится её единственным молчаливым другом, исповедником, хранителем памяти. Каждая трещина на стекле, каждый слой пыли, каждый блик заката — всё это отпечатки времени, которые остаются в его пластике. А когда универмаг закрывают и подростки разрисовывают манекен краской из баллончиков, он впервые чувствует боль — и понимает, что стал живым. Потому что память сильнее пластика, сильнее смерти, сильнее времени. Рыжая кошка Муся, та самая, что приходила к доске объявлений и к офисной клавиатуре, приходит проститься. И манекен улыбается ей в ответ. Ведь пока есть те, кто помнит, ничто не исчезает навсегда.

© Кремень Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВИТРИНА	5
1985. Февраль	6
0.5. 1986. ПЕРВЫЕ ГОДИКИ	8
1. 1987. Лена-девочка	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Яр Кремень
Витрина. Цикл «Вещи помнят»

ВИТРИНА

(манекен)

1985. Февраль

Её сделали на заводе «Ленинская кузница» в двадцать третьем цехе.

Цех был огромным, пропахшим краской, стружкой и чем-то сладковатым — то ли клеем, то ли надеждой. За длинными столами сидели женщины в синих халатах и собирали манекенов из отдельных частей: руки, ноги, торсы, головы. Голов было много — они лежали на стеллажах вдоль стен, смотрели пустыми глазницами в потолок, и от этого взгляда становилось не по себе даже бывалым работницам.

Художницу звали Нина Сергеевна. Ей было пятьдесят три, из них тридцать два года она проработала на заводе, и за это время разрисовала больше тысячи лиц. Сегодня перед ней стояли три головы — три заготовки, три судьбы, три ещё не рождённых взгляда.

Нина Сергеевна взяла первую голову, повертела в руках. Пластик был тёплым, податливым. Она представила лицо, которое появится из этой пустоты: молодая девушка, чуть наивная, с открытым взглядом. Она окунула кисть в грунт — белый, густой, как сметана, — и начала покрывать заготовку первым слоем. Движения были отточены годами: сначала лоб, потом щёки, подбородок, шея. Грунт ложился ровно, скрывая заводскую белизну, придавая коже будущую жизнь.

Вторая голова должна была стать мудрой женщиной средних лет. Нина Сергеевна думала о себе, когда рисовала её. О своей молодости, о том, как пришла на завод в двадцать один год, как училась у старых мастеров, как вышла замуж, как похоронила мужа десять лет назад. Всё это осталось в прошлом, а она всё ещё здесь, с кистью в руках.

Третья... третья получилась особенной. Нина Сергеевна долго думала, какое лицо хочет создать. Она решила, что это будет взгляд, обращённый в себя, но при этом открытый миру. Грунт она нанесла особенно тщательно, пальцами разглаживая мельчайшие неровности. Потом, когда основа высохла, принялась за телесный слой. Смешала охру с белилами, добавила каплю алого, чтобы получился тёплый розоватый оттенок. Кисть скользила по пластику, оставляя следы, которые через мгновение сливались в ровную, живую кожу.

Глаза она рисовала дольше всего. Сначала контур — тонкой кистью, чёрной краской. Потом радужку — серо-голубую, с золотистыми крапинками, как осенние листья в луже. Каждую крапинку Нина Сергеевна ставила отдельно, едва касаясь кистью. Потом зрачок — чёрный провал, уводящий в бесконечность. И наконец блик — крошечная белая точка, чуть смещённая к виску, чтобы взгляд был живым, чуть рассеянным, словно манекен только что увидел что-то важное и теперь размышляет об этом.

Губы она сделала чуть приоткрытыми, будто собираются что-то сказать. Для этого пришлось смешать алую краску с белилами, чтобы получить нежный, естественный оттенок. Верхнюю губу она чуть затемнила, нижнюю сделала светлее — так губы выглядели влажными, живыми. На левой щеке, возле уголка рта, поставила крошечную родинку — каплей умбры.

— Почти живая, — сказала подошедшая мастерица, заглядывая через плечо. — Глаза как настоящие. Смотрит — и будто видит.

— Это она сама, — ответила Нина Сергеевна, отступая на шаг. — Я только помогла. Видишь, она уже смотрит. Не на нас — сквозь.

Действительно, взгляд манекена был устремлён куда-то вдаль, поверх голов, поверх цеха, поверх города. Казалось, она уже видит ту жизнь, которая ждёт её за заводскими воротами.

— Ты её полюбила, — улыбнулась мастерица. — Всегда так с теми, кого с душой делаешь.

— Не с душой, — поправила Нина Сергеевна. — С памятью. Я вложила в неё память о всех лицах, что рисовала раньше. Она будет помнить за меня.

Она вспомнила свою молодость. Как в сорок пятом, после войны, пришла на завод, где работала её мать. Как впервые взяла в руки кисть. Как рисовала лица погибших солдат для

памятников, вглядываясь в пожелтевшие фотографии, которые приносили вдовы. Тогда она поняла: память — это единственное, что остаётся. И теперь она передавала эту память своим созданиям.

Трёх манекенов упаковали в картон и отправили в грузовик. Нина Сергеевна вышла проводить, стояла на морозе в тонком пальто, смотрела, как грузят её создание. Из рта вырывался пар, смешиваясь с выхлопными газами. Она думала: «Увижу ли я тебя когда-нибудь? Будешь ли ты счастлива?»

Грузовик уехал. Нина Сергеевна вернулась в цех, где её ждали новые головы — десятки новых лиц, которые предстояло оживить. Но эту, третью, она запомнила навсегда.

В универмаге манекенов распаковали, расставили по витрине. Третьего поставили в центр, лицом к улице. За стеклом падал первый снег. Крупные, редкие хлопья кружились в свете фонарей, опускались на асфальт, таяли. Манекен смотрел на них и не мог отвести взгляд. Он не знал, что такое снег, но чувствовал его холод через стекло. И в этом холоде было что-то знакомое — тоска по лесу, из которого когда-то сделали бумагу, по смоле, по ветру.

Это было начало.

0.5. 1986. ПЕРВЫЕ ГОДИКИ

В тот год манекен ещё только учился видеть. Учился различать утро и вечер, солнце и тень, голодных голубей и сытых. Витрина была его домом, стекло — границей мира, а люди — бесконечным фильмом, который шёл без остановки.

Утром, когда солнце только поднималось над крышами, к витрине приходил старик. Ему было лет семьдесят, он носил старую шинель и шапку-ушанку даже летом. В руках у него всегда был пакет с хлебными крошками. Он садился на скамейку напротив и начинал кормить голубей.

— Иди сюда, иди, — бормотал он, бросая крошки. — Вы мои единственные слушатели. Жена померла, дети далеко. А вы тут, глупые, но живые.

Манекен смотрел, как голуби слетаются, клюют, дерутся за крошки. Старик смотрел на них и улыбался беззубым ртом.

— А ты, — вдруг обратился он к манекену. — Ты тоже слушаешь? Я знаю, вы, манекены, всё видите. Вон та доска объявлений на соседней улице — она тоже всё видит. Мы с ней уже лет десять знакомы. Я туда объявление вешал, когда собака пропала. Не нашлась. А доска помнит.

Манекен не знал, что такое доска объявлений, но запомнил слова старика. Потом, через много лет, он узнает эту доску в рассказах Муси.

В другой раз к витрине подошла молодая женщина с авоськой. В авоське были яйца, молоко, хлеб. Она спешила, споткнулась о бордюр, и авоська вылетела из рук. Яйца разбились, растеклись жёлтыми пятнами по асфальту. Женщина села прямо на землю и заплакала.

— Всё, — рыдала она. — Последние деньги, последние яйца. Что я детям скажу?

Манекен смотрел на разбитые яйца, на жёлтые пятна, которые быстро сохли на солнце. Он запомнил этот цвет — цвет потери. Потом, когда Лена будет плакать у его витрины, он вспомнит эти яйца. И поймёт: боль всегда одинаковая. Неважно, из-за чего.

Лена в тот год ещё не приходила. Но манекен уже ждал. Он не знал, кого, но ждал. Витрина была полна людей, но ни один не смотрел на него так, как посмотрит через год девочка с бантами.

1. 1987. Лена-девочка

Весна 1987 года выдалась ранней. Уже в апреле снег сошёл, и витрина универмага отражала яркое солнце, заставляя прохожих щуриться. Манекен стоял в лёгком ситцевом платье в мелкий цветочек — оформители передевали его каждый сезон. Платье пахло свежей тканью, крахмалом и чем-то фабричным. Солнечные лучи, проходя сквозь стекло, нагревали пластик, и манекен чувствовал это тепло как лёгкую дрожь по всей поверхности. К вечеру стекло остывало, и холод медленно заползал в каждую складку одежды, в каждый изгиб тела.

В то утро у витрины остановилась девочка. Ей было лет семь. На голове — огромные белые банты, которые, казалось, вот-вот взлетят от ветра. Она была в школьной форме — коричневое платье, белый фартук, — и в руках держала портфель, тяжёлый, набитый учебниками. Девочка смотрела на манекен широко раскрытыми глазами, и в этих глазах отражалось всё: и солнце, и витрина, и сама фигура в цветочном платье.

— Мама, смотри! — закричала она, дёргая мать за руку. — Какая красивая!

Подошла молодая женщина, усталая, с сумками в обеих руках. В сумках виднелись батоны хлеба, молоко в стеклянных бутылках, что-то ещё. Женщина мельком глянула на витрину и дёрнула дочь за рукав.

— Лена, пошли, опоздаешь в школу. Первый звонок уже скоро.

— Мама, ну посмотри! Она как живая. У неё глаза настоящие. Она на меня смотрит!

— Обычный манекен. Их вон сколько наставлено. Пошли, говорю.

Но Лена не уходила. Она прижалась носом к стеклу, и манекен увидел её лицо совсем близко — курносый нос, усыпанный веснушками, голубые глаза, в которых плясали солнечные зайчики. Девочка дышала на стекло, и оно запотевало, скрывая на миг её лицо. Потом снова появлялось.

— Ты красивая, — сказала Лена тихо, только для себя. — Я тоже хочу быть красивой, как ты. Вырасту — и буду.

Она отступила на шаг, поправила банты, улыбнулась манекену. Потом вдруг достала из портфеля кусочек мела, присела на корточки и на асфальте, прямо у витрины, начала рисовать.

Асфальт был горячим, мел крошился в пальцах. Лена вывела овал — неровный, но старательный. Два глаза-точка, кривая улыбка. Потом платье — кружочки горошка. Над головой — банты, как у неё самой.

— Теперь мы похожи, — сказала она, разглядывая рисунок.

Потом встала, отряхнула колени и побежала догонять мать. Манекен смотрел на рисунок. Он был наивным, но в нём угадывалось что-то важное. Этот рисунок останется на асфальте до первого дождя. А в памяти манекена — навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.